

**I. МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«90 ЛЕТ ИСТОРИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ В СИБИРИ»,
АПРЕЛЬ 2008 г.**

УДК 930.001.12

Б.Г. Могильницкий

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТОМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
В ДИАЛЕКТИКЕ МАКРО- И МИКРОПОДХОДОВ**

Рассматривается развитие исторического образования в Томском университете с послевоенного времени до наших дней как часть научно-образовательного процесса России.

Ключевые слова: *историческая наука, Томский университет.*

Цель статьи заключается в том, чтобы рассмотреть под обозначенным в ее заголовке углом зрения основные вехи развития факультета за последние 60 с лишним лет. Исходной является посылка о факультете как некотором социальном микроорганизме, чья динамика находится в сложном взаимодействии с ведущими закономерностями развития общества, которому он принадлежит. Отражая их в своей трансформации, он в то же время обладает собственным ритмом, нацело не совпадающим с ними. Разительный пример тому – первые послевоенные годы. Это были годы «позднего сталинизма», отмеченные в идеологической сфере постыдными кампаниями против выдающихся деятелей советской литературы, культуры и науки, так называемых безродных космополитов, низкопоклонствующих перед Западом, вейсманистов-морганистов, объективистов и прочая, прочая. И вместе с тем это были годы расцвета ИФФ, являвшегося, по определению, идеологическим, сотрудники которого обязаны были активно участвовать в подобных кампаниях.

Они, конечно, участвовали, правда, иногда довольно своеобразно. Достаточно вспомнить примечательный эпизод с утверждением кандидатской диссертации Ф.З. Кануновой. В разгар борьбы с космополитизмом ее вызвали в ВАК, где давно лежала ее обвинявшаяся в разных грехах защищенная еще на филфаке ЛГУ диссертация. Причем сам этот факультет переживал в ту пору трудные времена; в частности, жертвами борьбы с космополитизмом стали учителя Ф.З. Кануновой. Все это могло кончиться для нее весьма плачевно, если бы не полетевшая вслед за ней в ВАК подписанная руководителями ИФФ характеристика, где Ф.З. Канунова представлялась как выдающийся борец с космополитизмом, известный это борьбой не только на факультете и университете, но и в городе.

Годы «позднего сталинизма» стали звездным часом в истории факультета, заложившим основы многих отраслей гуманитарного знания на востоке страны. Начало этому положила плеяда талантливых молодых преподавателей, преимущественно недавних фронтовиков, питомцев Московского, Ленинградского и Одесского университетов, ставших впоследствии создателя-

ми крупных научных школ. Напомню их славные имена: А.И. Данилов, Н.Ф. Бабушкин, Н.А. Гуляев, П.В. Копнин, А.П. Бородавкин, Ф.З. Канунова. По праву в этот ряд следует включить уже работавших к этому времени в Томске З.Я. Бояршинову, А.А. Скворцову, В.В. Палагину, С.С. Григорцевича. Каждый из них отнюдь не являлся убогим совком. Все они были яркими индивидуальностями, но выступали единой командой, неформальным, а затем и формальным лидером которой стал А.И. Данилов.

Не будем их идеализировать. Это были люди своего времени, первое поколение, выросшее при Советской власти, искренне воспринявшие ее идеалы, которые большинство из них защищало с оружием в руках, на фронтах Великой Отечественной войны, но столь же убежденно разделявшие многие недостатки системы. Едва ли они сегодня безоговорочно согласились бы со всеми своими поступками. Не будем поэтому розово-голубыми красками изображать их деятельность, но не будем и преуменьшать ее значение для судеб гуманитарного образования в Сибири. Конечно, как гласит пословица, всякое сравнение хромает. Но, думается, по своей мотивации и своему значению она сопоставима с той, какую вели в 20-х гг. прошлого века французские гуманитарии в Страсбургском университете.

Вот как вспоминал Л. Февр о первом факультетском собрании в университете, оставившем «впечатление восторженного порыва и бескорыстного душевного пыла». Он писал: «Нас было человек сорок, почти все прибыли буквально накануне, едва успев расстаться с мундирами и уж как-то чисто по-французски стыдясь своих боевых наград и званий. Мы были, разумеется, преданными сынами Франции – мы целых четыре года доказывали это с оружием в руках, – но теперь нам предстояло стать верными слугами истерзанной войной Эльзаса, чье доброе духовное здоровье, как мы были уверены, в небольшой степени зависело от нас и от наших усилий» [1. С. 130].

Невольно напрашиваются определенные аллюзии. Были, разумеется, и существенные различия не только концептуального, но и эмоционального свойства. Но была также схожая уверенность в роли гуманитарных наук в укреплении «доброего духовного здоровья», в чем наше общество так особенно нуждается сегодня. Подобно Страсбургскому университету, ТГУ играл роль культурного форпоста на востоке страны. Эта его историческая миссия и составила смысл деятельности команды Данилова. Важнейшим ее результатом стал начавшийся на рубеже 1940–50-х гг. пассионарный взрыв, кардинально преобразивший факультет.

Это было системное преобразование, коснувшееся всех граней факультетской жизни. Его матрицу составляла широко понимаемая учебно-воспитательная работа. Наши пассионарии, с первых же своих научных исследований привлекая внимание специалистов, сразу заявившие о себе как о крупных, оригинальных ученых, на факультете выступали, прежде всего, как педагоги. Преподавание в разных его видах они рассматривали как важнейшую форму своего самовыражения. Их усилиями на факультете был создан подлинный культ лекции, преподавания вообще. Замечу, кстати, что в благодарной памяти своих многочисленных учеников они сохраняются

именно как яркие личности, реализовавшие себя в преподавательской деятельности.

Учебно-воспитательная работа являлась важнейшим способом создания коллектива единомышленников, преподавателей, аспирантов и студентов, в котором формальные отношения сложно переплетались с неформальными. В атмосфере присущей «позднему сталинизму» жесткой регламентации, чинопочитания и строго дозируемой критики, как правило, направляемой сверху вниз, на факультете поощрялся свободный обмен мнениями, порой касавшийся весьма острых вопросов. Достаточно сослаться на работу возглавлявшегося А.И. Даниловым методологического семинара, посвященного актуальным проблемам тогдашней научной жизни. О свободном характере их обсуждения свидетельствует тот документально зафиксированный факт, что подчас итоги его, если можно так выразиться, подводились в высоких партийных инстанциях. Сошлюсь также на А.К. Сухотина, который в одной из своих статей вспоминал о смелом выступлении А.И. Данилова, заявившего, вопреки официальной марксистской теории, что феодализм не возник в недрах рабовладельческого способа производства. В этой же статье он писал о выступлении П.В. Копнина, указавшего на противоречия и нестыковки в марксистском учении о базисе и надстройке [2. С. 147–149], что вызвало гнев тогдашнего секретаря обкома С.И. Мурашова, угрожавшего донести об этой «крамоле» в ЦК партии.

Свобода иного порядка бытовала в повседневных отношениях между учителями и учениками, чему в немалой степени способствовало своего рода фронтовое братство: большинство преподавателей и многие студенты были вчерашними фронтовиками или ленинградскими блокадниками. Возрастная разница между ними была минимальной, а то и вовсе отсутствовала, что еще более способствовало развитию неформальных отношений. В эту орбиту активно втягивались студенты, пришедшие в университет со школьной скамьи. Тесное общение с фронтовиками способствовало их быстрому взрослению. В наших глазах они обладали особой аурой. Гордостью нашего курса был Герой Советского Союза Володя Евсеенко, единственный на факультете и во всем университете. У своих старших товарищей мы учились ответственному отношению к жизни и к учебе. Добавлю, что доброе отношение старших к младшим никак не снижало требовательности к ним, прежде всего со стороны преподавателей.

Так складывался факультетский коллектив, который нес на себе явственную печать своего непростого времени и вместе с тем обладал собственным ритмом, заданным его создателями. Его несовпадение в ряде моментов с генеральным курсом «позднего сталинизма» и создало тот зазор, который вызвал на факультете пассионарный взрыв. Однако, в соответствии с учением Л.Н. Гумилева о пассионарности, этот взрыв в конечном счете иссяк. Его полное затухание приходится на постперестроечный период факультетской истории.

Не проследивая все вехи трансформации факультета, остановлюсь в принятом в статье ракурсе на его современном состоянии. Сознвая невозможность сколько-нибудь исчерпывающих суждений на этот счет ввиду его

незавершенности, выскажу некоторые предварительные замечания. Самое общее из них касается особенностей ритма развития факультета в постперестроечной России. Происходившие в стране потрясения в полной мере отразились на жизни факультета, на самом способе существования преподавателей, аспирантов и студентов. Правда, в отличие от некоторых других университетов, нам даже в самые лихие годы в основном удалось сохранить преподавательские кадры и аспирантуру, но того коллектива, какой сложился в его звездный час, сейчас на факультете нет. Происходит его прогрессирующая атомизация. Теряются научные связи между кафедрами, мельчает исследовательская проблематика. Утрачивает былое значение изучение таких крупных проблем, которые некогда принесли широкую известность факультету, как, например, история Октябрьской революции и Гражданской войны или история рабочего движения в Сибири. Факультет сильно постарел. Исчез былой стиль взаимоотношений между преподавателями и студентами.

Было бы, однако, несправедливо описывать современное состояние исторического образования на факультете только в мрачных красках. Возникают и успешно развиваются целые направления в учебной и научной работе, генетически связанные с достижениями прошлого. Показательным примером служит быстрое становление новой для факультета специальности – документоведения, структурной особенностью которой является выраженная историческая составляющая. В значительной степени это объясняется тем, что ее возглавляют Н.С. Ларьков и О.А. Харусь – историки, сложившиеся в рамках существовавших на факультете научных школ [3].

Интенсивно развивается возглавляемое С.Ф. Фоминых новое направление, ориентированное на комплексное изучение истории высшего образования и образовательных учреждений в Сибири, преимущественно в Томске. В его рамках подготовлено и защищено несколько кандидатских диссертаций, ведутся новые исследования, расширяющие и углубляющие эту проблематику. Самым значительным и известным проектом, осуществленным в его рамках, его своеобразным брендом, является созданный по инициативе и под руководством С.Ф. Фоминых четырехтомный биографический словарь «Профессора Томского университета», не имеющий себе равных среди аналогичных изданий (1996–2003).

Конечно, это – не единичные примеры. Прошедшая конференция, посвященная 90-летию исторического образования в Томском университете, убедительно продемонстрировала научные достижения, имеющиеся на всех без исключения факультетских кафедрах. Не перечисляя их, остановлюсь на том, что мне ближе всего, – на процессах, происходящих на нашей кафедре – кафедре истории древнего мира, средних веков и методологии истории. Выражающиеся в своеобразном возвращении к ее истокам, они вместе с тем значительно расширяют первоначальную тематику кафедральных исследований и, главное, используемые при этом научные методы и методики. Отмечу широкий диапазон проблем, которые разрабатываются сотрудниками, докторантами и аспирантами кафедры. Исторический миф и его бытование в различной социокультурной и естественно-географической среде. Религиозная историко-философская мысль на Древнем Востоке и в России XIX – на-

чала XX в. История исторической мысли XX в. и средневековая ментальность. Культура западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени и инновационные формы преподавания методологии истории и других кафедральных курсов.

Особо выделю исследования И.Ю. Николаевой, ставшие крупной вехой в трансформации томской историографической школы, превращении ее в методологически-историографическую, какой, собственно, она и задумывалась А.И. Даниловым. И.Ю. Николаева создала уникальную полидисциплинарную технологию методологического синтеза, фокусирующуюся на бессознательном и получившую разностороннее теоретико-методологическое обоснование и убедительную верификацию в предпринятом автором исследовании большого круга исторических проблем от харизмы Мервингов до специфики модернизационных процессов в России [4; 5]. Сформулированная некогда А.Я. Гуревичем сверхзадача исторической науки приобрела в наших руках высокую оценку ведущих отечественных специалистов трудах Николаевой зримые очертания и содержательное наполнение, знаменуя появление в российской науке перспективного направления, изучающего теорию и практику исторического познания.

Отдельного разговора требует организация на кафедре спецсеминаров (И.Ю. Николаева, В.М. Мучник). Это своеобразные мини-научные коллективы, в работе которых наряду со студентами III–V курсов активно участвуют аспиранты и преподаватели томских университетов. Но это, повторюсь, отдельная тема. Без сомнения, свой опыт занятий со студентами наработали и другие факультетские кафедры. Другое дело, что этот опыт нуждается в обобщении и распространении.

Столь же неоднозначны процессы, протекающие в студенческой среде. Мы имеем дело с определенной молодежной субкультурой, получившей широкое распространение в постперестроечной России. Не вдаваясь в ее общую характеристику, требующую специального исследования, отмечу, что самое ее существование порождает неизвестную ранее коллизию в отношениях между студентами и преподавателями не только старшего, но и среднего возраста, принадлежащими к разным культурам. Приверженность различным культурным ценностям, естественно, затрудняет педагогический процесс, усложняя взаимопонимание между обучающими и обучающимися, а в последнем счете, проблематизирует существование коллектива единомышленников.

Впрочем, в последнее время здесь наметились определенные подвижки. Студенты все активнее втягиваются в общественную жизнь факультета и университета, внимательно следят за происходящими в стране и мире событиями, выражая собственное отношение к ним, что, однако, не снимает с нас обязанности в своей повседневной деятельности учитывать реально существующие различия между нами в ценностных ориентациях. Именно учитывать, но никак не пытаться навязывать свою систему культурных ценностей и в то же время кропотливо содействовать духовному росту своих воспитанников, трансформации их внутреннего мира и, более широко, мировидения.

Наконец, последнее, но отнюдь не по значению. Современное студенчество по ряду параметров резко отличается от послевоенного. Оно гораздо более социально дифференцировано и в своей массе менее профессионально мотивировано и подготовлено, что, понятно, затрудняет учебный процесс. Вместе с тем в этой глубоко дифференцированной среде нарождается новый тип студента, всецело ориентированного на профессиональный карьерный рост и активно участвующего для достижения этой цели в разного рода областных, федеральных и международных программах. В настоящее время по этим программам на факультете работают 50 студентов и аспирантов. Регулярно публикуются сборники лучших студенческих работ. Тем самым, констатируя утрату современным студенчеством былой идентичности, мы должны признать и некоторые преимущества, которые дает наше время его известной, хотя и незначительной пока части, создавая условия для ее более ранней и целеустремленной профессионализации.

Итак, нынешнее состояние исторического образования на факультете не поддается какой-либо однозначной категорической оценке, предполагающей лобовое противопоставление «века нынешнего» и «века минувшего» в его развитии. Ибо в стране коренным образом изменилась социально-экономическая, идейно-политическая и духовная ситуация. Сменилась сама общественная формация, с которой был связан расцвет факультета. Чтобы выжить, он должен был адаптироваться к новым реалиям, неизбежно теряя при этом что-то, заложенное в его устои отцами-основателями. Но осталось главное – факультет сохранился как жизнеспособный научно-педагогический организм, обладающий, используя выражение Тойнби, значительной силой научной радиации: по-прежнему сохраняется его значение как влиятельного научно-образовательного центра на востоке страны.

В макроисторическом плане в совершающихся на факультете процессах отражается происходящая в начале 2000-х гг. относительная стабилизация в российском обществе. Проявившаяся главным образом в укреплении внутри- и внешнеполитического авторитета государственной власти и росте экономики, она создала определенные предпосылки, в том числе материального свойства, для некоторого подъема науки и университетского образования, что вполне сказалось на факультетской жизни.

Это, конечно, не означает, что факультет в своем настоящем виде, как и вся страна, не сталкивается с серьезными проблемами, тормозящими его развитие. О некоторых уже говорилось. Острейшей из них является духовно-нравственный кризис, имеющий глобальный характер. Еще Й. Хейзинга, указывая на него, писал, что на развалинах старой европейской культуры возникает новый, враждебный человеку, насыщенный ненавистью и взаимонепониманием мир, происходит иррационализация и варваризация культуры, «когда познание начинает завлакиваться магией и фантастикой, поднятыми чадной волной ярких инстинктов и страстей. Вот когда миф теснит логос!» [6. С. 353].

К числу дисциплин, в наибольшей степени затронутых кризисом, относится история, ставшая, по выражению нидерландского мыслителя, в XX в., как никогда прежде, «орудием лжи на уровне государственной политики»:

никакая восточная деспотия в своих фантастических «свидетельствах» не обращалась с историей так, как это делает современное государство [7. С. 443]. С этими предостережениями своеобразно перекликается ход мыслей нашего современника, известного режиссера С. Бодрова-старшего. Отвечая на вопрос о закономерностях российской истории, он заявляет: «Я обнаружил, что истории нельзя доверять», и указывает в этой связи на «нашу готовность быть зомбированными и верить мифам» [8. С. 12].

В такой ситуации резко возрастает значение нравственно-этической природы исторического образования, его роли в формировании здорового массового сознания. Ибо, опять сошлюсь на авторитет Й. Хейзинги, «историческое сознание нашего времени должно быть бдительным, дабы не были воздвигнуты от имени истории кроважидные идола, которые поглотят культуру» [7. С. 431].

Это предостережение особо актуализируется в переживающем крутую ломку ценностных систем, ввергающую его в состояние перманентной неустойчивости, российском обществе. На этой социокультурной почве репрессируются нарабатывавшиеся столетиями культурные нормы, высвобождающие место, казалось бы, давно преодоленным архаическим чувствам, отлично уживающимся с экономической и даже политической модернизацией общества.

Мы здесь имеем дело с явлением глобального масштаба, не ограничиваемся теми или иными национальными границами. Его хорошо описал Л. Февр, указавший на «возвеличивание первозданных чувств наряду с внезапной утерей ориентации, забвением истинного соотношения ценностей: восхваление жестокости в ущерб любви, животного начала в ущерб культуре – причем начало это, и как данность, и как опыт, становится выше культуры» [1. С. 125]. Трудно сегодня подыскать лучшую иллюстрацию к этим словам, нежели процветающая в российском шоу-бизнесе «чернуха» с ее перевернутой системой ценностей.

Чрезвычайно велика цена такой архаизации для России, так как от того, удастся ли ее преодолеть, напрямую зависят настоящее и будущее страны, всей российской цивилизации, что побуждает вновь вернуться к вопросу о социальной функции исторической науки. Ибо история способна оказать действенное влияние либо на дальнейшее углубление духовно-нравственного кризиса общества, являющегося самым наглядным выражением этой архаизации, либо на его преодоление. Едва ли кто еще располагает такими возможностями для того или другого. В последнее время значительно увеличился интерес к истории со стороны не только общества, но и государственной власти, все более осознающей, в частности, значение преподавания истории в среднем звене. Трудно пока сказать, пойдет ли такое внимание к исторической науке во благо ей или во вред, но в любом случае оно свидетельствует о признании ее выдающейся роли в формировании массового сознания.

В этой ситуации умножается значение осознания историком социальной ответственности своей науки и того качества, которое французский философ П. Рикёр определяет как «интенция – стремление к правдивости» [9. С. 41].

В условиях российской действительности осуществление этой интенции, включающей также такое понятие, как совесть историка, усложняется прогрессирующим кризисом национальной идентичности, дающим о себе знать во всех сферах и на всех уровнях жизни общества.

Важнейшим его следствием является распространение спутанной идентичности. Это заимствованное из психологии понятие как нельзя лучше характеризует нынешнюю духовную сумятицу в мировидении, царящую в российском обществе, причудливо соединяющем противоречивые, а подчас и противоположные ценности. Скажем, двухглавого царского орла на гербе России и мелодию советского композитора А.В. Александрова в ее гимне. В такой сумятице заключается принципиальное отличие нашего времени от того, когда начиналась послевоенная история факультета. Благодаря этому для исторической науки в целом и каждого историка в отдельности значительно расширяется пространство выбора, имеющего в своей основе нравственно-гражданское начало, ту самую интенцию к правдивости, о которой пишет П. Рикёр. Но тем самым смещается и обозначенный в заголовке статьи ракурс. Теперь факультетский ритм в гораздо большей степени совпадает с общероссийским. Что же касается различий, то они, если можно так сказать, индивидуализируются – в том смысле, что возрастает социальная ответственность каждого историка, в особенности же историка-педагога, индивидуализируются его нравственные приоритеты и идейная позиция, возрастает значение личностного начала на всех уровнях исторического познания.

Завершая статью, хочу высказать осторожную надежду, что накопленный почти за столетие исторического образования в Томском университете потенциал, высокий уровень подготовки ведущих факультетских кадров, способных профессионально оценивать происходящие в стране и мире процессы и адекватно учитывать их в своей научной и педагогической деятельности, позволит подняться на такой теоретико-методологический и гражданский уровень, который отвечает современному пониманию высокого назначения исторической науки. Конечно, речь должна вестись не о решении порождаемых злобой сегодняшнего дня сиюминутных задач, а о поиске в режиме долгого времени сквозь призму критически осмысленного исторического опыта эвристических и воспитательных возможностей исторической науки и условий их реализации в современной российской действительности, что, собственно, и составляет ее важнейшую социальную функцию. Так может быть в общих чертах означена планка, к достижению которой должен стремиться факультет, чтобы занять достойное место в поисках нашей наукой эффективных ответов на вызовы времени.

Литература

1. *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.
2. *Сухотин А.К.* У истоков философского образования в Сибири // Образование в Сибири. 1997. № 5.
3. *Ларьков Н.С.* Документоведение. М., 2006.
4. *Николаева И.Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.

5. Николаева И.Ю. Специфика российских процессов модернизации и менталитета в формате большого времени // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 2007. Вып. 28.
6. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
7. Тавризян Г.М. Йохан Хейзинга: кредо историка // Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
8. Аргументы и факты. 2008. № 26.
9. Рикёр П. Историческое описание и репрезентация прошлого. Памяти Франсуа Фюре // Анналы на рубеже веков: Антология. М., 2002.